ПРАВОСЛАВНОЕ ЧТЕНИЕ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

1990 · 11

RUSSIAN ORTHODOX READINGS LECTURE ORTHODOXE ORTHODOXES LESEHEFT LECTURAS DE LA ORTODOXIA RUSA

ЦЕРКОВЬ ВОИНСТВУЮЩАЯ И ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ:

СВ. ІОАННЪ

христианства. Эта сила делала христиан непоколебимо стойкими в исповедании своей веры; этой силой были крепки святые мученики, вера которых оказывалась более твердой, чем то железо, из которого делались орудия пыток и которое гнулось и притуплялось в бессильных усилиях палачей и истязателей поколебать мужество и терпение исповедников Христовой веры; эта сила порою самих мучителей превращала в мучеников, и они едиными устами и единым сердцем победно воспевали: «Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила…»

И на протяжении многих веков христианство являет себя как новая благодатная жизнь во Христе, как явление духа и силы. Это мы видим из церковной истории и из житий святых угодников Божиих, как древних, так и позднейших, в частности святых Русской Право-

истории и из житий святых угодников Божиих, как древних, так и позднейших, в частности святых Русской Православной Церкви. И одним из проявлений духа и силы нашей святой и спасающей веры были жизнь и труды всероссийского пастыря и

СВ. ІОАННЪ ЧУДОТВОРЕЦ КРОНШТАДСКІЙ

«...Слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы...» — говорит святой апостол Павел, излагая в своем первом Послании к Коринфянам (2, 4) сущность апостольского благовестия. В этих поистине драгоценных словах раскрывается то, что наша вера, наше христианство не есть теория, не есть религиозно-философская доктрина «человеческой мудрости», нет — оно, по другому выражению того же апостола, есть сила Божия ко спасению всякому верующему (Рим. 1, 18). Об этой силе — о принятии ее — говорил апостолам Сам Господь Иисус Христос: *Примите силу, нашедшу Святому Духу на вы...* (Деян. 1, 8). Этой силой были исполнены апостолы после сошествия на них Святаго Духа, когда они разливали вокруг себя море чудес, и не только апостолы, но и верующие христиане первых веков

Андреевский собор в Кронштадте

Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ

молитвенника о. Иоанна Кронштадтского.

Отец Иоанн Кронштадтский... Кто из верующих православных русских людей не знает этого светлого имени? Кто не слыхал рассказов очевидцев о многочисленных и поразительных чудесах силы Божией, совершавшихся по вере и молитве о. Иоанна, о его дивном пастырстве и служении скорбящим и обремененным, о его нестяжательности и неистощимом милосердии к нуждающимся? Проникнутый истинно апостольским одушевлением и ревностью о спасении христианских душ, он как бы воскресил пред людьми евангельско-апостольские времена и был поистине светильник горящий и светящий.

Чем же особенно так дорог о. Иоанн для русского сердца? Этот вопрос, естественно, возникает при мысли о его исключительной знаменитости и славе при жизни.

Характернейшую черту нашего благочестия составляют сознание своей греховности пред Богом и людьми и дух самоукорения, самобичевания. Молитва святого Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего...» — особенно любезна русскому верующему сердцу. Однако постоянобъяснение его непреходящей славы в христианских народах, а особенно в народе русском.

Духом Святителя Николая водился и шествовал и возлюбленный наш пастырь — о. Иоанн Кронштадтский. Ему всегда был Церкви Христовой составляло великую духовную радость для русского народа. Отец Иоанн проходил по жизни как носитель веры побеждающей, торжествующей. И люди неудержимо тянулись к нему как к плапо газетным сообщениям, часто утверждавшим, что кронштадтский пастырь находится «в прелести». Им соблазном представлялись и та внешняя обстановка, в которой он жил, и те вещественные знаки любви, которыми щедро загадкою и какою-то тайною. Поэтому в своей труженической жизни он не раз подвергался гонению, особенно в начале своей деятельности — по зависти окружающих и в конце жизни — по злобе врагов Православия. Первые пятнадцать лет служения и подвижничества о. Иоанна в Кронштадте возбуждали не только опасения высших иерархов и блюстителей благочестия в Святейшем Синоде за судьбу этого необыкновенного пастыря, но и смущали даже живших в то время великих духовных деятелей, как, например, святителя Феофана Затворника. Несколько раз митрополит Исидор допрашивал о. Иоанна, заставляя его служить при себе, и доискивался, что есть в нем особенного, даже сектантского, как уверяли и доносили некоторые священнослужители. Позже девяностолетний митрополит скажет: «Чудотворец он [о. Иоанн] уже потому, что возбудил крепкую веру в силу Божию, содевающуюся в немощи человеческой в наши неверные дни». К. П. Победоносцев вызывал к себе о. Иоанна и говорил: «Ну вот, вы там молитесь, больных принимаете, говорят, чудеса творите; многие так начинали, а вот чем-то вы кончите?» «Не извольте беспокоиться, — ответил батюшка в своей свя-

Сирина: «Господи и Владыко живота моего...» — особенно любезна русскому верующему сердцу. Однако постоянною скорбью о грехах своих и слезами покаянными не исчерпывается вся жизнь души. Вот наступает праздник Святой Пасхи с ее всерадостным торжеством, с ее знаменитым словом святителя Иоанна Златоуста. В эти часы светлого ликования христианского духа отходит печаль покаяния, и христианин радуется божественною, всепрощающею любовью; подвизавшиеся и неподвизавшиеся, постившиеся и непостившиеся, усердные и ленивые — все приглашаются на великий духовный пир веры христианской; все люди составляют общий хор славословящих воскресшего Христа, Победителя смерти и ада. Подобное же состояние души мы переживаем во дни причащения Святых Таин. В обычное же время не только простые люди, но и подвижники-праведники проводили и проводят свою жизнь в плаче о своих грехах и, подобно Ефрему Сирину, любят «плачевное житие». Но между ними известен христианам один, в котором преобладала иная настроенность духа, который получал благодатную силу от Бога своим победным, радостно-торжественным хождением перед Ним. Таков Святитель Николай Чудотворец, и в этом —

присущ дух радостного прославления Бога, как у нас, грешных, в день Святой Пасхи; в нем постоянно ликовала благодатная духовная победа над дьяволом... И если бы кто пожелал спорить и доказывать, что покаянная скорбь всегда должна сопровождать жизнь христианина, тому хочется напомнить предание из жизни афонских иноков. Согрешили два инока и аввою были посажены в пирг (монастырскую темницу) на трое суток. Когда оба они вышли из своего заключения, то один обливался горючими слезами о грехе своем, а другой инок весьма радовался, что победил свой грех. На вопрос недоумевающей братии мудрый авва объяснил, что оба инока одинаково угодили Богу — и плачущий, и радующийся...

Видеть такого человека, как о. Иоанн, слышать, молиться с этим великим пастырем менному молитвеннику, как к современному Илии, шли молиться вместе с ним — не за помощью только себе и другим, но тянулись невольно, всем своим существом, как к живому свидетелю и таиннику благодати, как к громкозвучному вестнику, что *небо отверсто и Ангелы Божия восходящия и нисходящия на Сына Человеческаго* (Ин. 1, 51). Каждый как бы говорил себе: «Пусть я немощен и весь во грехах; но вот есть в мире праведник, который препобеждает нашу греховную природу; есть такая душа христианская, которая все победила и получила благодатную силу великого молитвенного дерзновения, которая только и торжествует о красоте сладчайшего Иисуса...» Однако были и такие, которые не обладали духовным зрением, не знавшие хорошо о. Иоанна и составившие себе понятие о нем больше одаряли о. Иоанна почитатели его. Смущали их и карета, в которой он ездил, и шелковые рясы, и бриллиантовые кресты, которые он носил. Они не знали, что для самого о. Иоанна шелк имел такое же значение, как и рогожа; что бриллианты для него были не дороже песка, который мы попираем ногами...

Сотни тысяч людей его видели, молились с ним, многие получали исцеления по его молитвам, но немногие были настолько опытны и развиты духовно, чтобы понять необыкновенный его путь к совершенству. Столь исключительные люди, как о. Иоанн Кронштадтский, всегда пользуются при жизни более народною любовью, чем земною славою. Для большинства образованных людей, чуждых заповеди апостольской о необходимости уметь различать людей по их духу, любимец русского народа, о. Иоанн, был всегда

творите; многие так начинали, а вот чем-то вы кончите?» «Не извольте беспокоиться, — ответил батюшка в своей святой простоте, — потрудитесь дождаться конца!» Преосвященный Феофан счел необходимым обратиться к о. Иоанну письменно, со словом наставления, и высказать, что он взялся за подвижническую жизнь в миру, среди житейских соблазнов и невзгод, которая неминуемо должна привести к страшному падению, что никто еще со времени принятия христианства не только в России, но и на Востоке не решался на такой путь, будучи не монахом, а священником, не живя за монастырской оградой и по монастырскому уставу; при малейшем упущении это породит большой соблазн и скандал среди духовенства и мирян. Отец Иоанн написал письмо, в котором подробно изложил свое душевное состояние. Духовно умудренный молитвенной жизнью, Феофан Затворник понял глубоко благодатное состояние о. Иоанна, он понял, что «душа о. Иоанна, преданная Богу, безусловно стоит перед Ним».

Действительно, если вникнуть в жизнь о. Иоанна, проследить его духовное восхождение и сравнить общее — известное аскетическое трудничество наших подвижников и преподобных с условиями пу-

Преподобный Иоанн Рыльский, Небесный покровитель о. Иоанна

ти, избранного о. Иоанном, то нельзя не поразиться, насколько ему было труднее совершенствоваться и пребывать в невидимой духовной брани. На своем необыкновенном пути он явился первым среди мирской обстановки, столь опасной и полной преткновений. «Он стал поразительным примером для наших пастырей, которые так нуждаются в возрождении, — пишет епископ Кишиневский Серафим (впоследствии митрополит Ленинград-

самой искренней, чистой правде, к тому, чтобы никогда не казаться лучше, чем есть, а только быть действительно таким для Бога, для людей. Поэтому он предпочитал скорее внешностью заслуживать осуждения, чем похвалу; одевался, не смущаясь, в богатые одежды, которые ему дарили, ел для гостеприимных хозяев, что ему предлагали (но в ограниченном, конечно, количестве),— и все покрывал своею любовью. Несомненно, глубокого христианского смирения, при котором он ни на минуту не переставал памятовать о Боге — Промыслителе, считая себя Его недостойным рабом и слабым орудием благости. *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную Мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8), — мог сказать он о себе вместе с Псалмопевцем. Эта духовная умудренность о. Иоанна становится тем удивительнее, что у него не было старца, повидимому, в продолжение всей его жизни: он учился у самой Святой Церкви, в ее уставах и преданиях, в ее богослужении и слове Божием. Вера его была строго православная, кристально чистая, можно сказать, детская, доверчивая; вера, которая переходит в слияние с благодатью Божией, с чистыми небесными духами, а вовне проявляется в дивных подвигах знамения и чудесах... И эта вера, проникавшая все его существо, привлекла к нему обильную благодать Божию, сделала его великим светильником Православия по своей жизни, подвигам и чудесам напоминавшим древних светильников Церкви.

Представьте себе картину храма в ночь перед пасхальной заутреней, когда иконостас тонет в полумраке. Но вот загораются свечи и иконы гами и чудесами засвидетельствовал истинность повествования о житии святых, а вместе с тем мощно подтвердил истинность православной веры, которою укреплялись и за которую подвизались угодники Божии. Он показал, что и в наши дни путь действительного служения обществу и народу один: путь веры и православного совершенствования. Безумные! — говорит всей своей жизнью о. Иоанн, остановитесь, вспомните слова Спасителя: *Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете творить ничесоже.*

Какую же истину более всего возлюбил о. Иоанн? О чем особенно часто он проповедовал? Излюбленная мысль о. Иоанна, которая главенствует в его проповедях, есть та дорогая для православного сознания истина, что все мы в Боге составляем одно: ангелы, святые угодники и христиане, совершающие свое спасение, живые и умершие. Ближайшими способами этого единения являются возношение души нашей к Богу в молитве и теснейшее соединение со Христом Богом в Святейшем Таинстве Евхаристии. Проникнутый этим созерцанием всех в Боге, о. Иоанн. вмещал в лицам в один день; если же их явится еще несколько, то шестому, седьмому ближнему мы уже не будем в состоянии, по немощи нашей, искренно сочувствовать и подлинно помогать. Этой ограниченностью нашей любви к ближнему и объясняется то явление, что так спокойно относятся к чужим страданиям больничные, кладбищенские работники и другие лица, постоянно присутствующие при человеческих страданиях и смерти. Теперь представьте себе, во сколько сот раз более приходилось о. Иоанну совершать эти подвиги сострадательного человеколюбия?! Во сколько сот раз больше, чем всякому другому духовнику! И для всех у него доставало благодатного участия и ободрения. Когда же о. Иоанн в этом тяжком подвиге изнемогал телесно, то он быстро удалялся и уединялся, чтобы найти себе благодатное подкрепление в молитве и чтении Святого Евангелия, после чего снова являлся к людям неизменно благостным и лучезарным вестником евангельской любви...

И эту неземную красоту подвига человеколюбия, это неотразимое духовное обаяние о. Иоанна признавали за ним не только почитатели его, но и все те, кто

рые так нуждаются в возрождении, — пишет епископ Кишиневский Серафим (впоследствии митрополит Ленинградский; Чичагов, †1937), 30 лет состоявший в послушании отца Иоанна, — и поэтому каждому священнослужителю необходимо заняться изучением необыкновенной подвижнической жизни русского богатыря духа». Как же было ему не казаться загадкою, величайшею тайною, когда он оставался в положении простого приходского священника в многоштатном соборном клире и деятельно шел по пути высшего христианского совершенства? Вот этого-то и не могли понять не только светские, но даже духовные люди! Аскетический дух требует усовершенствования в отрешенной от мира обстановке, чтобы человек переродился в этой новой, тяжелой духовной школе, сам укрепился внутренними силами и только тогда открыл к себе вход ищущим утешения и руководства или появился вновь в миру — для служения людям. Но о. Иоанн обладал иным духом, имеющим свои отличительные черты и дарования. Его дух требовал сохранения всей своей естественной внешности, чтобы избежать в духовной борьбе столкновения с легко вкрадывающимся лицемерием, отвлекающим от внутренней работы. Отец Иоанн стремился к

что ему предлагали (но в ограниченном, конечно, количестве),— и все покрывал своею любовью. Несомненно, о. Иоанн был блаженного духа, который в крайних формах доходит до юродства Христа ради. Стремясь к тому, чтобы душа не двоилась на доброе и злое, батюшка в обращении с людьми и в молитве к Богу достигал поразительной младенческой простоты. Он часто со

Церковь воинствующая. Икона XVI в.

слезами молил Господа, говоря: «Господи, даруй мне сердце простое, незлобивое, открытое, верующее, любящее, щедрое, достойное вместилище Тебя, Всеблагого!» И кронштадтский праведник непреткновенно подвизался среди тех искушений тщеславия и гордости, каким обычно подвергаются все знаменитости в мире. Это происходило от глу-

тину храма в ночь перед пасхальной заутреней, когда иконостас тонет в полумраке. Но вот загораются свечи и иконы озаряются светом, лики святителей, мучеников и преподобных в золотых ризах выступают во всем блеске, как бы нисходят с неба на землю и вместе с молящимися объединяются в святой радости Христова Воскресения... Отец Иоанн был тем могучим светильником, который наглядно в

своей жизни воспроизвел, как бы воскресил перед современным обществом, омраченным суемудрием, чудеса и подвиги святых, о которых мы привыкли читать в Четьях Минеях и в достоверности которых наш развращенный век склонен сомневаться. Великий чудотворец, кронштадтский пастырь воочию перед всем человечеством своими подви-

Богом в Святейшем Таинстве Евхаристии. Проникнутый этим созерцанием всех в Боге, о. Иоанн вмещал в своем сердце всех людей. И этим объясняется близость его ко всем, и близость всех к нему, и близость наша между собою, когда мы о нем вспоминаем или ему молимся. Эта близость сказывалась в присущем ему чувстве самого искреннего горячего и ко всем одинако-

вого сострадания. Для обыкновенного человека это чувство недоступно в той мере, в какой оно было у о. Иоанна, — почему подвиг его сострадательной любви ко всем людям необходимо признать подвигом неимоверно трудным и сверхчеловеческим. Ведь наша душа может выразить самое искреннее и деятельное сострадание двум, трем

ский, это неотразимое духовное обаяние о. Иоанна признавали за ним не только почитатели его, но и все те, кто знал этого победоносного провозвестника веры Христовой. А для духовных детей о. Иоанн был столь близок, что почти каждое движение своего сердца они стремились связать с ним, с его волею, и всегда мысленно представляли себе: что бы он сказал или как поступил в данном случае? Очень многие ничего важного в своей жизни не предпринимали без совета и благословения о. Иоанна. Такой духовный союз водворялся главным образом через молитву. Подобное чувство духовного взаимообщения люди склонны были считать сверхъестественным, и отсюда некоторые почитали его за воплотившегося вторично Христа. На этой-то почве и возникло такое извращенное, болезненное явление, как иоаннитство, решительно осужденное и Церковью, и самим о. Иоанном. Происхождение данного сектантского движения довольно естественно: всегда около мощных явлений в жизни возникают и заблуждения более или менее сильные...

Да, поразительны были его духовное прозрение, его близость к Богу, великое влияние на души людей и благодатная чудодейственная сила. Разгадка этих явлений лежит в словах

покойного Таврического епископа, преосвященного Михаила (Грибановского; †1898). При первом же своем свидании с о. Иоанном, еще в молодые годы своей жизни, он отозвался о кронштадтском пастыре так: «Это человек, который говорит Богу и людям только то, что говорит ему его сердце: столько он проявляет в голосе своем чувства, столько оказывает людям участия и ласки, сколько ощутит их в своем сердце, и никогда в устах своих не прибавит сверх того, что имеет внутри своей души. Это есть высшая степень духовной правды, которая приближает человека к Богу». Действительно, о. Иоанн всегда и во всем был безусловно правдив и совершенно искренен. Это свойство души батюшки сказывалось и в молитве его: некоторые возгласы он, следуя своему возвышенному молитвенному настроению, произносил восторженно, а другие — спокойно. В служении его Богу не было никакого уклонения от этой высшей искренности; это служение являлось отрицанием всякого актерства. Ведя постоянную внутреннюю борьбу со всякими греховными помыслами, поверяя ежедневно чистоту своей души и правдивость своего сердца, о. Иоанн достиг той

ря. «Что за невидимый враг во мне, который непрестанно меня смущает, притесняет и принуждает к разным грехам? Что это за стремление речное, которое подмывает духовный дом моей души и устрашает меня, что я утону и погибну? Что это за мысленные ветры, эти бури и ураганы, нападающие на мой дом, на мой храм и старающиеся его подкопать, опрокинуть и подбросить на воздух? Во всех нас действует тайна беззакония (2 Сол. 2, 7), видимо и невидимо, и поэтому от всех требуется бодрствование, крепкая вера, сильная борьба с нападающим со всех сторон грехом, сильным, не дремлющим, вооруженным обманом и соблазнами, лживыми учениями, явными и скрытыми ересями и расколами; необходимо иметь великое и постоянное мужество, терпение и упование на всесильную помощь Божию»...

«Что за разбойничья тайна лукавых страстей действует во мне постоянно: рано и поздно, утром, днем и вечером и даже ночью в разных мечтаниях. Какой вертеп мысленных (духовных) разбойников представляет собой моя душа. Как испорчено мое сердце. Как обезображен во мне образ Божий. Какая борьба

Отец Иоанн во время своей прогулки по родным местам в Суре. 1891 г.

анна не для того, чтобы бросить тень на память великого пастыря и праведника. Святой Макарий Египетский говорит, что человек никогда не может быть свободен от греха. Наша душа то побеждает грех, то является побежденной им в том или другом отношении. Поэтому вся жизнь человека — это «ежедневная жестокая, горькая война с врагами нашего спасения, с невидимыми духами зла, действующими на нас посредством бесчисленных наших страстей».

яние на нас, отвращаться от них, чистосердечно их исповедовать с твердым желанием никогда больше их не повторять, или, другими словами, необходимо бороться с грехом. Так именно и поступали святые. «Неужели они не одной природы с нами? — спрашивает о. Иоанн. — Неужели они жили без искушений, без скорбей и болезней? Неужели не нападал на них грех и они не боролись с различными страстями плоти и духа? Они боролись и побеждали... Тогда почему я не укрепляюсь

Эта исповедь о. Иоанна дает нам ключ для понимания его жизни, которая была непрерывной упорной борьбой. Это единственный путь, по которому шли все святые. Другого пути к духовному совершенству, к святости, кроме пути безусловной и беспощадной борьбы с искушениями, нет. «Да, когда море спокойно, каждый моряк может думать высоко о себе, — говорит святой Антоний Великий, — однако искусство опытных моряков познается только при плохих ветрах».

слами, поверяя ежедневно чистоту своей души и правдивость своего сердца, о. Иоанн достиг той высшей степени правди-

Дом трудолюбия о. Иоанна в Кронштадте

вости, которая только и приближает нас к Богу, согласно слову Святого Евангелия: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

В дневнике о. Иоанна раскрывается вся внутренняя сокровенная духовная жизнь великого кронштадтского пасты-

душа. Как испорчено мое сердце. Как обезображен во мне образ Божий. Какая борьба предстоит мне, пока я не привыкну управлять собой. Какая упорная, постоянная борьба. Какая борьба со страстями предстоит мне. Ты в этой войне, Ты, Всесильный Вождь Твоих воинов, помоги мне, Господи, Сердцеведче».

Мы привели эти места из «Дневника» о. Ио-

димыми духами зла, действующими на нас посредством бесчисленных наших страстей». Смысл всей этой войны один: закалка человека в добре; возвышение по лестнице духовного совершенства. Нет на земле такого грешника, которого Божие милосердие не могло бы очистить от любого греха. Необходимо только видеть свои грехи, сознавать их пагубное вли-

не боролись с различными страстями плоти и духа? Они боролись и побеждали... Тогда почему я не укрепляюсь на этом Божьем пути, почему не уклоняюсь совсем от зла и не творю только добро? Почему я не встану на этой твердой высоте, которую достигали жившие до нас и подвизавшиеся святые?» И действительно, еще с самого начала своего священнического служения о. Иоанн должен был вести неравную, упорную и жестокую борьбу «не на жизнь, а на смерть». «Еще с самого начала моего священнического служения я должен был усиленно просить Господа сил, как и теперь прошу, чтобы Он Всеблагий научил *руки мои на ополчение и персты мои на брань* (Пс. 143, 1), на невидимую упорную жестокую войну. И я не был оставлен без помощи в этой спасительной войне, я поднимал свои глаза, полные горячих слез, к небу, откуда всегда мне приходила помощь, хотя и не всегда сразу, не всегда скоро из-за моей тогдашней неопытности в искушениях во время молитвы. При постоянных внутренних искушениях я должен был постоянно обращать свое душевное око внутрь себя, чтобы сразу заметить нападение внутренних врагов, и таким образом я приучил себя к почти непрестанному духовному созерцанию и тайной молитве».

говорит святой Антоний Великий, — однако искусство опытных моряков познается только при плохих ветрах». Но духовная борьба, научающая и возвышающая воина Христова, нужна ему не только до тех пор, пока он достигнет желанного совершенства, она становится еще более необходимой именно с этого момента — кому много дано, с того много и спросится (Лк. 12, 48). И чем выше стоит человек, тем страшнее его падение. Святой Макарий Египетский пишет: «Может ли пасть человек, имеющий благодатные дарования? Могли ли согрешить апостолы? Имеют ли совершенные скорби и брани?» И отвечает так: «Нет человека, на которого враг перестал бы нападать; и благодатный и совершенный, если не будет остерегаться, может пасть... Я знаю людей, имевших все дарования, ставших причастниками Святаго Духа... и павших».

Преподобный Иоанникий Великий (VIII—IX вв.) после того как десятки лет проводил строгую аскетическую жизнь достиг чудотворения. Одного его слова было достаточно, чтобы совершить чудо. И вот, не имея другой возможности уязвить его, враг человеческого спасения, дьявол, внушил ему покинуть пустыню и идти к людям и там своими чудесами даром помогать им, утешать их в несчастьях. Что может

быть лучше помощи своим братьям?! Великий чудотворец мысленно согласился с этим благовидным по внешности, но в сущности гибельным вражеским внушением; это было тонкое духовное искушение, которое состояло в том, что мысль о помощи ближним была, хотя и подсознательно, связана с мыслью о славе, которая его ожидала среди людей. Когда преподобный принял в себя это искушение, он почувствовал, что благодать отступила от него; он почувствовал, что он наг и холоден, что жестоко обманулся и пал очень низко, подумав в душе высоко о себе. Бесспорно, это была только мысль, но для совершенных, ведущих жестокую духовную борьбу для *ключится тебе, и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив, ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, в горниле уничижения* (Сир. 2,1—5).

Вера в Бога — Святую Троицу, в Божие домостроительство о нашем спасении порождает все в жизни о. Иоанна: и его неутомимую деятельность, и его пламенную молитву, и его чудотворную силу, и его вдохновенное слово, и его великую духовную борьбу с искушениями. Он «мысленно готов исчезнуть, чтобы видеть и иметь в себе только Бога», он как будто утрачивает свое индивидуальное бытие, его душа как будто утопает в Христе, «растворяется» в Нем. Его жизнь уже не его, а

Церковный дом в Кронштадте, где жил о. Иоанн

нужно для меня, — ни одного дня моей жизни; чтобы утвердилась, очистилась и возвысилась моя любовь к Тебе и моему ближнему...»

Со стороны о. Иоанна была всецелая, всесовершенная преданность Богу, самоотверженное служение Ему, распятие своей плоти, а со стороны Божией в ответ на это было исполнение благодатных обетований. «Аз есмь немощь и нищета, Бог — моя сила» — эти слова великого пастыря более, чем все исследования его жизни, раскрывают перед нами тайну его энергии, тайну всех исцелений и чудес, которые создают его славу во всем мире. Эта тайна заключалась в постоянном общении великого пастыря с Богом, Которого он полюбил всей своей душой. Ради Бога и в Боге он любил и человека. Он служил Богу всеми силами своей души. В то время как люди искали земного счастья, он молился о них. В то время, когда ночью они спали, он говорил с Господом, умолял Его ниспослать милость скорбному миру. Люди оскорбляли друг друга, их обижали родные, им изменяли друзья, — он же выбрал себе родных и друзей в вечном Граде, на Небе, и они не изменяли ему, но всегда откликались и помогали. Его славословие Богу на земле

Бог: и в страданиях, и в радости. Везде Бог, и Он стучит в двери твоего сердца. Открой, прими Его, Он войдет и будет вечерять с тобой, и ты будешь предвкушать блаженство рая. Он здесь, при вас, открыл свои объятия и зовет. Иди к Богу, иди... Ты грязен, изранен, но по этой же самой земле, по которой ты ходишь, течет поток Божественной крови, и в этом потоке ты омоешься, очистишься... Он зовет, Он ждет. Иди к Богу...»

Он так долго и много учил, но все ли его слушали? Он был истинный служитель Божий, но многие ли восприняли у него истину? Он был искренним Богоносцем, но все ли внимали его правде?

* * *

Великий пастырь и светильник земли Русской о. Иоанн Кронштадтский родился 19 октября 1829 года, преставился 20 декабря 1908 года. 14 июня 1990 года по благой воле в Троице славимого Бога Отца и Сына и Святаго Духа в Ленинграде совершено церковное прославление святого праведного Иоанна Кронштадтского, чудотворца.

Все эти тяжелые для России годы, когда Иоанновский монастырь на Карповке был закрыт, верующие все равно приходили к казавшемуся пустым и мрачным зданию. Они знали, что внутри него, ближе к алтарной части нижнего храма, находится гробница батюшки Иоанна. Люди становились на колени, горячо молились, целовали холодные камни, плакали... И любовь о. Иоанна радостно и свободно изливалась на всех страждущих, и так же, как при жизни батюшки, совершались многочисленные чудеса. Канонизация — это призывание святого к служению и подвигу. Другой великий праведник земли Русской, преподобный Серафим Саровский, говорил своим духовным чадам незадолго до своей кончины: «Помните — для вас я всегда жив, не думайте, если тело мое покоится в могиле, то я буду далеко от вас, — нет! Обращайтесь ко мне, как к живому, я услышу вас». И мы уповаем, что о. Иоанн именно так, как говорил преподобный Серафим, еще ближе к нам теперь, хотя невидим для наших очей. Будем же ему молиться, чтобы он и о нас, грешных, молился, и о Родине нашей, и о всем русском народе.

Церковный дом в Кронштадте, где жил о. Иоанн

очищения сердца и ума от всякого, даже тончайшего мысленного искушения, одна мысль, одно только греховное представление — уже падение. И святому Иоанникию надо было снова бороться десятки лет, пока он опять стал великим и чудотворцем, но теперь уже более внимательным и смиренным. С Божьей помощью о. Иоанн избежал всего этого. Он поступал согласно с советом премудрого сына Сирахова, который говорит: *Сын мой, если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу свою к искушению; управь сердце свое и будь тверд, и не смущайся во время посещения Богом; прилепись к Нему и не отступай... принимай охотно все, что ни при-*

Христа: она — «жизнь во Христе», как он сам ее называет. *Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2,19). «Действительно, Христос живет во мне, — свидетельствует о. Иоанн, — Он так чувствителен к малейшей сердечной нечистоте во мне; Он принуждает меня изгонять из сердца и малейший зародыш греха». Чувствуя постоянно и реально Божие присутствие и чудную Божию помощь в духовной борьбе, о. Иоанн иногда молился так: «Господи, не оставляй меня без искушения, если угодно Твоей премудрости и благости, если это

вечном Граде, на Небе, и они не изменяли ему, но всегда откликались и помогали. Его славословие Богу на земле сливалось в согласную песнь с их славословием на небе. Он никогда не давал себе покоя, и Бог чудесно укреплял его. В его трудном пути без отдыха он был счастливее царей на престолах и богачей в золотых чертогах. Он ходил по кучам золота, но не прикасался к нему; он ходил по земле, возвышаясь над ней, и всей своей жизнью говорил страждущему человеку: «Встань, поднимись, ты еще не так плох, Бог укрепит тебя. Не говори, что мир пуст и скучен. Везде

Православныя веры поборниче, земли Российския печальниче, пастырем правило и образе верным, покаяния и жизни во Христе проповедниче, Божественных Таин благоговейный служителю и дерзновенный о людех молитвенниче, отче праведный Иоанне, целителю и предивный чудотворче, граду Кронштадту похвало и Церкви нашея украшение, моли Всеблагаго Бога умирити мир и спасти души наша.
(Тропарь святому праведному отцу Иоанну Кронштадтскому)

Сура. Часовня во имя святой мученицы Параскевы, построенная на месте дома, в котором родился о. Иоанн. 1891 г.

ИЗ ПАСТЫРСКИХ БЕСЕД О. ИОАННА

«Бог мне дал, — пишет одно лицо, — быть свидетелем и участником чудесной беседы, которую вел наш великий пастырь-молитвенник о. Иоанн Кронштадтский с другими пастырями Христовой Церкви». Это было 21 июня 1904 года в г. Сарапуле, куда о. Иоанн прибыл по приглашению епископа Михея. Когда о. Иоанн появился в зале, все присутствующие встретили дорогого гостя пением: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...» Батюшка сначала прошел в училищный храм, поклонился престолу, а затем вернулся в зал и пригласил всех сесть около стола.

«Я очень рад, — сказал он, — видеть вас и побеседовать с вами; благодарю вас, что вы собрались здесь, а тех, кто сегодня служил вместе со мной во время совершения литургии, благодарю за общую молитву... Вы, братия мои, сослужители, несомненно, спрашиваете себя в душе, как я могу иметь такое дерзновение и путешествовать по всей России, чтобы молиться за столь

больного. И Господь подарил мне Свою милость — больной выздоровел. Я же благодарил Господа за эту милость.

другим, молиться за них, сочувствовать им, прощать и т. д. Меня иногда обвиняют в том, что я дружу с грешными и недостойными людьми. Но Спаситель не прогонял от себя прелюбодеев и грешных. Он терпел и Иуду-предателя, а я, Его недостойный слуга, — как не буду следовать по Его пути? Не здоровые

жание заключается в этих канонах, в этих ежедневных воспоминаниях о великих праведниках, об их святой жизни и подвигах. Через это чтение душа маломалу привыкает к церковной жизни, к церковным воспоминаниям, мало-помалу проникается настроением тех людей, которых ублажает Церковь, просвещается, перестает быть закрытой в себе: становится сильной в борьбе с грехом. И достаточно, чтобы кто-нибудь это чтение канона поставил бы себе в ежедневное правило, и он начнет ежедневно возвышаться в духовном отношении, восходить от силы в силу.

Но особенно люблю я читать Священное Писание, оба Завета. Я не могу жить без этого чтения. Какое содержание находится здесь! Сколько законов человеческой души открыто. Сколько человек, стремящийся к духовному обновлению, может почерпнуть здесь указаний на то, как переродиться из злого в доброго. Священное Писание особенно необходимо для проповедников. Оно — неисчерпаемая тема для проповедей: только умей сам назидаться — и будешь назидать других.

Вот, братия, что повелел мне Господь сказать вам, — задумавшись, произнес батюшка. — Я

ем в пастырском деле, — сказал другой из присутствующих, — нападает страшное уныние от сознания собственной греховности; руки опускаются, когда вспомнишь слова: *врачу, исцелися сам...* Тогда пропадает всякое желание поучать других. Вот тебе и отчаяние.

— Напрасно, — ответил о. Иоанн, — здесь надо помнить о долге, мысль о долге должна принудительно и одобрительно действовать на пастыря. «Ты уполномочен Церковью, ты должен делать» — эта мысль должна одушевить пастыря и разогнать всякое уныние. Это уныние от врага.

— Но вот, батюшка, еще один вид уныния — от хульных помыслов, которые появляются в голове в самые священные минуты богослужения.

— Э, это уныние, — энергично сказал о. Иоанн, — прямо от недостатка нашей веры. Хульные помыслы надо презирать; борьба здесь не нужна и даже вредна; просто не надо обращать внимания. Но если некоторые помыслы доводят до уныния, то это уже происходит от слабости, значит, вы даете этим помыслам время господствовать над вами, может быть даже услаждаетесь ими... Отсюда и происходит уныние. А мы не должны так дово-

гу иметь такое дерзновение и путешествовать по всей России, чтобы молиться за столь многих людей, которые просят моей помощи. Может быть, кто-нибудь назовет это дерзостью. Но я, братия, не решился бы на такое великое дело, если бы не был призван на него свыше. Дело было так. Некто в Кронштадте разболелся. Попросили моей молитвенной помощи. Я тогда имел привычку никому не отказывать, когда меня просят. Начал я молиться, предавая больного в руки Бога; я молил Бога исполнить над больным Его святую волю. Но неожиданно приходит ко мне одна старушка из Костромской губернии, которую я давно знал. Она была богобоязненная, глубоко верующая женщина, проведшая свою жизнь по-христиански и в страхе ожидавшая завершения своего земного странствования. Приходит она ко мне и настойчиво просит меня молиться о больном не иначе, а прямо о его выздоровлении. Помню, тогда я почти испугался: как я могу, думаю, иметь такое дерзновение? Однако эта старушка твердо верила в силу моей молитвы и настаивала на своем. Тогда я исповедал перед Господом свое ничтожество и свою греховность, увидел во всем этом волю Божию и начал молиться об исцелении

В другой раз по моей молитве опять произошло исцеление. Тогда в этих двух случаях я увидел уже волю Божию, новое послушание для меня от Бога молиться за тех, которые просят этого…

О своем душевном состоянии я могу сказать вам, что исполняю древнее великое правило: познай самого себя. Это, собственно, и есть содержание всей моей жизни, и до сих пор я не перестаю «познавать себя». Через это я познаю свою беспомощность во всех отношениях, а это заставляет меня смириться. Действительно, все, что я делаю, я делаю по милости Божией. А Божию помощь на себе я вижу во всем и считаю себя за самого нерадивого, самого плохого из всех русских пастырей, потому что если бы эти Божии дары, которые я получаю, были бы у другого, он бы совершил много больше добра, чем я. Постоянное изучение своей природы заставляет меня быть постоянно настороже, внимательным и постоянно просить у Бога благодатной помощи для очищения грехов. И так это знание своей человеческой немощи заставляет меня помогать и бывают нужны врачам, а больные. …Берегитесь гордости…

Особенно ценно для меня изучение моей человеческой природы потому, что я через это познаю на себе, я испытал, как наш Господь милосерд, долготерпелив, всемогущ, скоропослушлив в своей помощи нам: Он — источник нашего душевного и телесного здравия, душевной чистоты, духовных сил.

Но я, братия, — продолжал батюшка, — не веду аскетического образа жизни. Не думайте, что я считаю это чем-то достойным подражания, нет; может быть, в моей деятельности было бы больше успехов, если бы я устроил свою жизнь в более аскетической обстановке. Но условия моей службы меня лишали возможности быть аскетом. Я читаю и газеты, но часто жалею о потерянном времени. В них пишут много лишнего и совершенно бесполезного. Но вот что я всегда неотменно читаю — это каноны, которые положено читать ежедневно на утрени. На этом чтении, можно сказать, я воспитался в церковной жизни. И какое бесконечно глубокое содер-

Вот, братия, что повелел мне Господь сказать вам, — задумавшись, произнес батюшка. — Я предварительно не обдумывал, что вам говорить; сказал вам только то, что Бог мне положил на сердце».

Тогда один из присутствовавших спросил: «Батюшка, во время ваших путешествий чем вы заполняете свое свободное время? Производили ли на вас обстановка и ее смена впечатление?»

— Я молюсь, я постоянно молюсь, — быстро сказал о. Иоанн. — Я даже не понимаю, как можно проводить время без молитвы. Воистину молитва есть дыхание души.

— Скажите, батюшка, — продолжал спрашивающий, — что делает вас во время литургии таким сосредоточенным, когда вокруг часто происходит суматоха, которая могла бы помешать молитве?

— Этого я достиг только привычкой. Чтобы научиться быстро сосредоточиваться в молитве, овладевать собой — это большая задача. Этого можно достичь только путем продолжительной работы. Много здесь нужно покаяния, быстрого воспроизведения в душе образа Христа или Креста Господня — и полное сознание своей греховной загрязненности и беспомощности.

— Научите нас, батюшка, бороться с унынием

ствовать над вами, может быть даже услаждаетесь ими… Отсюда и происходит уныние. А мы не должны так доводить свою душу до уныния. Разве вы не знаете, как Господь скоропослушлив, как быстро Он исполняет все наши просьбы? Итак, еще в самом начале горячей молитвой отгоняйте от себя всякое духовное смущение; как только греховное настроение вовремя преследуется молитвой, оно обязательно исчезает, поэтому по-настоящему и горячо верующий человек никогда не может быть доведен до уныния.

— Но вот, батюшка, — продолжает собеседник, — я переживаю еще одно особенно тяжелое состояние уныния, когда вижу, что зло торжествует.

— Вот это другое дело. Это действительно тяжело переживать; такое состояние и у меня часто случается. Здесь надо укреплять себя молитвой и твердо верить, что Господь силен даже и само зло обратить, по путям только Ему Одному известным, в добро.

После этого у батюшки было время на частную беседу о современном пастырстве и его задачах. Батюшка говорил, что пасторствование в настоящее время все больше и больше затрудняется; борьба пастыря становится все более утонченной, из-за

чего пастырям еще больше надо быть на высоте своего призвания. Пастырь должен всецело оторваться от всяких себялюбивых настроений, надо уподобляться библейским пастырям в их «пребывании в Духе». Поэтому пастырям необходимы внимательность и сосредоточенность, постоянное распятие себя за паству.

Далее разговор перешел на современную жизнь. Батюшка обратил внимание на настроение современного общества: «...Удивительная болезнь появилась теперь — это страсть к развлечениям. Никогда не было такой потребности развлекаться, как теперь. Это прямо показывает, что людям нечем жить, что они отвыкли жить серьезной жизнью, трудиться для пользы нуждающихся, жить внутренней духовной жизнью. И начали скучать, разменивают глубину и содержательность духовной жизни на развлечения. Какое безумие! Как будто они дети, лишенные разума. А между тем развлечение — это уже общественный порок, общественная страсть. Вот куда пастыри должны направлять все свои силы; они должны внести в жизнь ее потерянное содержание, вернуть людям смысл жизни. Но, конечно, пастыри должны подготовить себя для этого... Пастырь должен быть на высоте своего призвания...»

О.Иоанн Кронштадтский О МОЛИТВЕ

Молитва внушает мне, что я образ Божий, что при смиренном и благодарном расположении своей души пред Богом, при своей свободной воле я, бесконечно умножая духовные дары Божии, могу, таким образом, в бесконечность усовершаться и до бесконечности увели-

вал я несомненно в бытие, благость и всемогущество Бога моего и уподоблялся Ему в сей жизни делами любви и милосердия).

2. Молясь, мы непременно должны взять в свою власть сердце и обратить его к Господу. Надобно, чтобы оно не было холодно, лука-

совсем откажись и не внимай ему, ибо плотский *разум кичит* (1 Кор. 8,1), сомневается, мечтает, хулит... О, величайшее служение Богочеловека нам, грешным! И доныне Он помогает человеколюбно, очищая и спасая нас. Итак, да посрамится держава вражия.

совершенно духовен, совершенно благ. И твоя душа пусть не двоится на добро и зло...

6. Можно ли молиться с поспешностью, не вредя своей молитве? Можно тем, которые научились внутренней молитве чистым сердцем. В молитве надобно, чтобы сердце иск-

Отец Иоанн Кронштадтский (Сергиев) со своими сестрами

4. Нечувствие сердцем истины слов на молитве происходит от сердечного неверия и

ренно желало того, чего просит; чувствовало истину того, о чем говорит, — а чистое серд-

самое расположение духа, в каком написаны молитвенные слова, и таким образом приучаюсь мало-помалу молиться духом и истиною. Когда человек молится наружно, вслух, тогда ему не всегда можно уследить за всеми движениями сердечными, которые слишком быстры, так что ему по необходимости надо заняться выговором, внешнею формою слова. Таким образом, у многих причетников, бегло читающих, образуется совершенно ложная молитва: устами они как будто молятся, по всему зришь их, аки благочестивых, а сердце спит и не знает, что уста говорят... Помните, что ни одно слово даром не пропадет в молитве, если от сердца говорится. Каждое слово Господь слышит, и каждое слово у Него на весах. Нам кажется иногда, будто наши слова только воздух бьют, напрасно раздаются, как глас вопиющего в пустыне. Нет... Господь отвечает на каждое желание сердца, выраженное в словах или невыраженное.

8. Я угасаю, умираю духовно, когда не служу в храме целую неделю, и возгораюсь, оживаю душою и сердцем, когда служу, понуждая себя молитве не формальной, а действительной — духовной, искренней, пламенной

…духовные дары Божии, могу, таким образом, в бесконечность усовершаться и до бесконечности увеличивать мое богоподобие, мое небесное блаженство, к которому я предопределен. О! Молитва есть знак моего великого достоинства, которым почтил меня Создатель. Но она в одно и то же время напоминает мне о моем ничтожестве (из ничего я и ничего своего не имею — потому и прошу Бога о всем), как и о моем высочайшем достоинстве (я образ Божий, я обоженный, я могу другом Божиим называться, как Авраам, отец верующих, только бы веро-

Отец Иоанн с духовными чадами

…мение должны взять в свою власть сердце и обратить его к Господу. Надобно, чтобы оно не было холодно, лукаво, неверно, двоедушно. Иначе что пользы от нашей молитвы, от нашего говения? Хорошо ли слышать от Господа гневный глас: *приближаются Мне люди сии усты своими, и устами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене* (Мф. 15,8)…

3. На молитве будь как дитя лепечущее, сливаясь в один дух с духом произносимой молитвы. Считай себя за ничто, молитвы принимай как великий дар Божий. От своего разума плотского

4. Нечувствие сердцем истины слов на молитве происходит от сердечного неверия и нечувствия своей греховности, а это, в свою очередь, проистекает от тайного чувства гордости. По мере чувств своих на молитве, человек узнает, горд он или смирен. Чем чувствительнее, пламеннее молитва, тем он смиреннее; чем бесчувственнее, тем гордее.

5. Старайся дойти до младенческой простоты в общении с людьми и в молитве к Богу. Простота — величайшее благо и достоинство человека. Бог совершенно прост, потому что

ренно желало того, чего просит; чувствовало истину того, о чем говорит, — а чистое сердце имеет это как бы в природе своей. Потому оно может молиться и с поспешностью и в то же время богоугодно, так как поспешность не вредит истине (искренности) молитвы. Но не стяжавшим сердечной молитвы надо молиться неспешно, ожидая соответствующего отголоска в сердце каждого слова молитвы. А это не всегда скоро дается человеку, не привыкшему к молитвенному созерцанию. Поэтому редкое произношение слов молитвы для таких людей должно быть положено за непременное правило. Ожидай, пока каждое слово отдастся в сердце свойственным ему отголоском.

7. Наружная молитва нередко исполняется насчет внутренней, а внутренняя — насчет наружной, т. е. если я молюсь устами или читаю, то многие слова не ложатся на сердце, я двоюсь, лицемерю; устами выговариваю одно, а на сердце другое; уста говорят истину, а сердечное расположение не согласуется со словами молитвы. А если я молюсь внутренно, сердцем, то, не обращая внимания на выговаривание слов, я сосредоточиваю его на содержании, на силе их, приучая сердце постепенно к истине, и вхожу в то

служу, понуждая себя молитве не формальной, а действительной — духовной, искренней, пламенной.

9. Говорят: мы скоро устаем молиться. Отчего? Оттого, что не представляете пред собою живо Господа, *яко одесную вас есть*. Смотрите на Него непрестанно сердечными очами и тогда ночь целую простоите на молитве и не устанете…

10. …У патриархов учись детской вере и послушанию Господу; у пророков и апостолов — ревности о славе Божией и о спасении душ человеческих; у святителей — ревности проповедовать слово Божие и вообще писаниями содействовать к возможному прославлению имени Божия, к утверждению веры, надежды и любви в христианах; у мучеников и исповедников — твердости за веру и благочестие пред людьми неверующими и нечестивыми; у подвижников — распинанию плоти со страстьми и похотьми, молитве и богомыслию; у бессребреников — нестяжательности и безмездной помощи нуждающимся.

11. Что Церковь внушает нам, когда и на домашней молитве, и в церковной влагает в наши уста молитвы от лица всех, а не от одного лица? Внушает нам непрестанную взаимную любовь, чтобы мы всегда и во всем на молитве и в житейском обра-

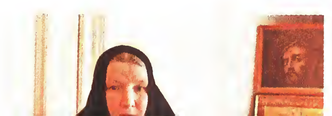
щении любили друг друга как себя, чтобы мы, подражая Богу в трех лицах, составляющих высочайшее единство, и сами были единое, из многих составленное. *Да вси едино будут, яко же Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут* (Ин. 17, 21). Молитва общая от лица всех и в жизни учит нас делиться житейскими потребностями с другими, чтобы и в жизни у нас все было общее и как бы едино, чтобы во всем была видна любовь взаимная, также чтобы каждый свои способности употреблял во благо других, кто как может, а не скрывал талант свой в земле, не был бы эгоистом и ленивым. Мудр ты — дай совет немудрому; образован — научи невежду; силен — помоги бессильному; богат — помоги бедному.

12. Не ленись молиться усердно о других, по прошению их или сам собою и вместе с ними — сам получишь милость от Бога — благодать Божию в сердце, услаждающую и укрепляющую тебя в вере и любви к Богу и ближнему. Это слова истины, они взяты из опыта. Мы обыкновенно не очень охотно, более по нужде или привычке, молимся за других, без полного участия сердца; надо принуждать себя молиться от всего серд- другие покойны и счастливы? Что мы сделали? Будет ли конец нашей муке? Но когда растленной природе нашей трудно бывает признать над собою волю Божию, без коей ничего не бывает, и покориться ей со смирением, тогда-то пусть она и покорится ника, а Владычица — в Боге, едино с Богом и, как Матерь Христа — Мира, ревнует и молится о мире всего мира, паче же всех христиан...

15. Святые исполнили слово Господа; Господь исполняет их слово; они делали для Него, Он — для них. *В*

Здание Иоанновского монастыря. Ныне Пюхтицкое подворье

нюже меру мерите, — сказал Сам Господь, — *возмерится вам* (Мф. 7,2). Вот почему Господь

гордостью и происходящей оттуда раздражительностью, но *возверзи печаль на Господа* и помолись Ему, *испытующему* наши *сердца и утробы*, от всего сердца, чтобы Он сам просветил ум и сердце человека; если Он увидит, что молитва твоя дышит любовью и исходит от всего сердца, то непременно исполнит желание твоего сердца и ты вскоре же скажешь, увидевши перемену в том, за кого молишься: *сия измена десницы Вышняго*.

18. Когда видишь, что кто-либо по насилию дьявольскому занят сердечно одним каким-либо пустым, земным предметом, сильно скорбит о нем, постоянно говорит о нем и возбуждает тем в тебе досаду, не раздражайся этим, но твердо знай, что эта болезнь духа от врага, будь с больным кроток и тих, сейчас же со спокойной, невозмутимой верой обратись к Богу в молитве...

19. Пресвятая Троица! Научи меня презирать все земное, научи меня полагать мир, довольство, блаженство в тебе единой. А чтобы не возгордиться мне, по причине благостного внимания ко мне Пресвятой Троицы и подаваемого Ею мне спасения, да памятую, что она благостно внимает каждому червю, каждому птенцу

тва и покаяние), тем больше направляет против него разрушительные действия противник Божий и наш, который употребляет для этого все: и расположенное к лени тело наше, и слабость души, ее привязанность к земным благам и заботам, сомнение, так близкое всем маловерие, неверие, скверные, лукавые и хульные помышления, тяжесть сердечную, помрачение мысли — все направлено бывает у невнимательных действием врага к тому, чтобы запнуть на молитве, на этой лестнице, к Богу нас возводящей. Оттого весьма мало молитвенников искренних, усердных; оттого весьма редко и говеют, каются и причащаются христиане; может быть, наполовину не говели бы, если бы закон гражданский не повелевал ежегодно быть всем у исповеди и святого причащения. Испытающие знают все это.

22. Душа человеческая есть свободная сила, ибо она может сделаться или доброю, или злою силою, смотря по тому, какое ты сам дашь ей направление. Господи! Сила всемогущая! Утверди немощную душу мою во всякой добродетели. На недвижимом камени заповедей Твоих утверди слабое для всякого добра сердце мое. Господи! И я еще

или привычке, молимся за других, без полного участия сердца; надо принуждать себя молиться от всего сердца, с великою верою, с великим дерзновением, да получим великую и богатую милость от щедрого и великодаровитого Бога. *Да просит же*, сказано, *верою ничтоже сумняся: сумняйся да уподобися волнению морскому, ветры возметаему и развеваему* (Иак. 1, 6). Господу, этому общему всех Отцу, приятно, когда мы охотно, с верою и любовию молимся друг за друга, ибо Он есть Любовь, готовая миловать всех за взаимную любовь...

13. Никогда так не трудно сказать от сердца *да будет, Отче, воля Твоя*, как в сильной скорби или в тяжкой болезни, особенно при неправдах от людей, при наваждениях или кознях врага. Трудно от сердца сказать *да будет воля Твоя* и тогда, когда мы сами сделались виновниками какого-либо несчастья. Ибо думаем мы: это не Божья, а наша воля поставила нас в такое положение, хотя ничего не бывает без воли Божией. Вообще трудно поверить сердечно, что воля Божия есть страдание наше, когда сердце знает и по вере, и по опыту, что Бог есть блаженство наше, а потому трудно и говорить в несчастии: *да будет воля Твоя*. Мы думаем, неужели это воля Божия? Отчего же Бог нас мучит? Отчего

Вновь в Иоанновском монастыре молитвенно вспоминают о. Иоанна Кронштадтского, столько сил положившего в создание святой обители

ей, тогда-то пусть и принесет Господу свою драгоценную жертву — преданность Ему сердечную не только в покое и счастии, но и в скорби и несчастии; свое суетное, ошибочное мудрование да покорит премудрости Божией совершенной, ибо как отстоит небо от земли, так отстоят помышления наши от мысли Божией (Ис. 55, 8, 9)...

14. Приступая молиться Царице Богородице, прежде молитвы будь твердо уверен, что ты не уйдешь от Нее, не получивши милости. Так мыслить и так быть уверенным относительно Ее — достойно и праведно ... Молитесь, братия мои, Матери Божией, когда буря вражды и злобы восстанет в доме вашем. Она, всеблагая и всеблагомощная, удобно и преудобно может умирить сердца человеческие. Мир и любовь от единого Бога происходят, как от своего Источ-

нюже меру мерите, — сказал Сам Господь, — *возмерится вам* (Мф. 7,2). Вот почему Господь исполняет скоро молитвы за нас, святых.

16. Если призываешь какого-либо святого с сомнением в близости его к тебе и в слышании им тебя, и сердце твое поразится теснотой, переломи себя, или, лучше сказать, тотчас же преодолей с помощью Господа Иисуса Христа гнездящегося в сердце клеветника (дьявола), призови святого с сердечной уверенностью, что он близ тебя в Духе Святом и слышит твою молитву, и тебе сейчас станет легко. Тяжесть и томление сердца на молитве происходят от неискренности, от лживости и лукавства нашего сердца, подобно тому как в обыкновенной речи с людьми мы чувствуем себя внутренно неловко, когда говорим с ними не от сердца, неистинно, неискренно. *Жестоко ти есть против рожна прати*. Будь всегда и везде истинен сердцем и всегда будешь иметь мир в сердце, но особенно будь истинен в беседе с Богом и со святыми, *ибо Дух есть истина* (Ин. 5, 6).

17. Если хочешь исправить кого от недостатков, не думай исправить его одними своими средствами; сами мы больше портим дело своими собственными страстями, например

той Троицы и подаваемого Ею мне спасения, да памятую, что она благостно внимает каждому червю, каждому птенцу. Еще припомню, что некоторые христиане, многие силы сотворившие именем Божиим, услышат некогда от Господа слова *отыдите от Мене, не вем вас* (Мф. 7, 23; 25, 12) за свою неевангельскую жизнь. Пресвятая Троица, сохрани меня от гордости и научи меня смиренномудрию! Ты благостно и скоро внемлешь мне и спасешь меня; я могу от милости возгордиться, Твою бесконечную благость и милосердие обратить в предлог к самовосхвалению, якобы я сам достоин такого внимания был, как благо некое сотворивший. Покрой меня, премилосердная Троице, Отче, Сыне и Душе Святый, кровом крилу Твоею от всякого греха.

20. Покаяние должно быть искреннее и совершенно свободное, а никак не вынужденное временем и обычаем или лицом исповедующим. Иначе это не будет покаяние. *Покайтесь*, — сказано, — *приближися бо Царство Небесное* (Мф. 4, 17); приближися, то есть само пришло, не нужно долго искать его, оно ищет вас, вашего свободного расположения, то есть сами раскаивайтесь с сердечным сокрушением...

21. Чем вернее и сильнее средство, соединяющее нас с Богом (моли-

родетели. На недвижимом камени заповедей Твоих утверди слабое для всякого добра сердце мое. Господи! И я ежедневно опытно познаю, что без Тебя я ничто; что без Тебя не могу творить никакого добра; без Тебя одно зло во мне в разных его видах; без Тебя я сын погибельный. О, пренеизреченная Благостыня, исполни благостию Твоею сердце мое. Паче же всего молю: даруй мне любить Тебя всем сердцем моим и ближнего моего, яко себя. Да не буду я злобен, горд, непокорен, но да буду незлобив, смирен, почтителен с нежностью и послушен. Аминь.

23. ... Не попусти, Господи, ни на мгновение, чтобы я творил волю врага Твоего и моего — дьявола ... Господи! Даждь мне зреть мои прегрешения, чтобы я не презирал грешников, мне подобных, и не питал к ним зла в сердце за грехи, и сам бы себя презирал по достоинству, как грешника первого, сам к себе, к своему плотскому человеку, всегда питал непримиримую злобу. *Аще кто не возненавидит... душу свою, не может Мой быти ученик* (Лк. 14, 26), — говорит Господь.

24. Господи! Даруй мне сердце простое, незлобивое, открытое, верующее, любящее, щедрое, достойное вместилище Тебя Всеблагого!

Адрес редакции: 119435. Москва, Погодинская ул. 20.
Тел: 245-37-36.

Сдано в набор 04.10.90. Подписано в печать 12.12.90. Заказ № 2976
Экспериментальная типография ВНИИ полиграфии.

Одобрено Протоиерей Іоаннъ Сергиевъ
4 Ап 98